

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Ившина Владислава Сергеевича
«Формирование консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.1. Отечественная история.

История русского консерватизма — одна из популярных тем современных исторических исследований. Динамично растет количество работ, создаются научные центры, защищаются диссертации и т.д. При этом особое внимание уделяется эпохе Александра I как началу формирования консервативной идеологии в России. В этом отношении актуальность диссертационного исследования В.С. Ившина не вызывает сомнений. Но в то же время обилие все новых работ по этой теме затрудняет возможность сказать что-то новое. Уже сложилась парадигма имен русских консерваторов начала XIX века, назначен «главный» консерватор — А.С. Шишков, определены подвиды консерватизма и проч. При этом исследования традиционно строятся как имманентное описание общественно-политических взглядов отдельных консерваторов, которые трактуются как различные грани единой консервативной идеологии. И действительно, если идти по этому пути, то невольно будешь двигаться по уже сложившемуся исследовательскому кругу.

Главная заслуга диссертации В.С. Ившина заключается в понимании необходимости разорвать этот круг и найти собственное исследовательское поле. Надо сказать, что во многом автору это удается. Новаторство рецензируемой работы заключается в том, что ее автор отказался от устоявшегося взгляда на консерватизм как завершенную и самодостаточную идеологию. Вместо традиционного подхода он предлагает рассматривать консерватизм как реакцию на те или иные проявления политической жизни России конца XVIII — начала XIX вв., а также актуальные для того времени события русской истории. Речь идет о Французской революции, наполеоновских войнах, Смутном времени, Петре I, Екатерине II и др.

При таком подходе исследовательский взгляд перемещается с персоналии на тексты, и задачей исследователя становится не вписать того или иного деятеля в разряд консерваторов, а увидеть проявление консерватизма в динамике исторического процесса. Павловское и Александровское царствования в этом отношении представляют собой благодатный материал. Стремительно меняющийся мир с его революциями, войнами, с резкими переменами во внутренней политике России вызвали, как реакцию, стремление к стабильности и возвращение к национальным истокам. Динамизм политических событий на одном полюсе культуры породил консерватизм мысли на другом.

Следующим несомненным достоинством рецензируемой работы является ее источниковая база. Автор в большом количестве использует поэтические тексты, которые редко попадают в поле зрения историков. Особенно ценно то, что в большинстве случаев это массовая одическая поэзия, написанная на потребу дня, в которой непосредственно отражается реакция автора на

современные события. Несомненно, панегирическая литература, прославляющая царей и цариц, может считаться проявлением консерватизма. Но при этом важно выяснить, чему она противостоит. Вряд ли до появления декабристкой поэзии уместно говорить о противопоставлении свободолобивой и верноподданнической лирики. Противопоставление в данном случае будет идти по линии: панегирическая литература — поэзия частной жизни и домашнего очага, центральными темами, которой будут дом, дружба, любовь, семья и т.д. Тема дома, неприкосновенности частной жизни и семейных традиций — это тоже своего рода консерватизм, но выраженный в иных семантических полях. Такой подход предполагает выход за пределы общественно-политической мысли, и именно поэтому он особенно важен. Изучение консерватизма в рамках политического дискурса давно стало общим местом, а консерватизм как явление культуры повседневности еще ждет своего исследователя. В.С. Ившин через поэзию близко подошел к этой проблеме, но, к сожалению, не сделал следующего шага. Было бы неплохо, если бы автор обратил внимание на поэтический шедевр Державина «Евгению. Жизнь Званская», в котором в тему домашнего уюта и частной жизни вплетаются мотивы современной политики, участие России в наполеоновских войнах. Лирический герой этого стихотворения живет в настоящем и смотрит в прошлое, будущего для него нет («Разрушится сей дом, засохнет бор и сад, // Не вспомнянется нигде и имя Званки»), и тем ценнее настоящее, которое является органическим продолжением прошедшего.

Весьма солидно выглядит и историографическая оснащенность работы. Автор учел едва ли не все ли современные исследования по своей теме. Однако историографическое введение оставляет желать лучшего именно из-за своей чрезмерной перегруженности. Эпохальные исследования А.Н. Шебунина, Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана соседствуют на равных правах с проходными работами, что стирает общую логику истории вопроса. Вклад выдающихся ученых подается на уровне краткой аннотации вместо развернутого анализа. Так, например, следовало бы отметить, что А.Н. Шебунин впервые показал оппозиционный характер русских консерваторов по отношению к политике Александра I. Тынянов, не стирая политических различий между Шишковым и декабристами, показал их культурную преемственность, что, кстати сказать, хорошо работает на концепцию В.С. Ившина в том плане, что консервативные реакции свойственны не только ретроgrадам, но политическим либералам и даже революционерам. В диссертации упоминается Рылеев в связи с думой «Дмитрий Самозванец», но можно было бы добавить и Пестеля с его языковой политикой в духе Шишкова и т.д. Ю.М. Лотман еще в 1950-е гг. показал, что идея народности в русской культуре до декабристского периода выражалась консервативными кругами. Это точное наблюдение в то время шло в разрез с официальной советской историографией, неизменно связывающей народность с прогрессивными течениями в литературе и общественной жизни. Недооцененными оказались и работы Н.И. Мордовченко, который, развивая идеи Тынянова, показал неоднородность карамзинистского лагеря. Об этой неоднородности В.С. Ившин пишет на с. 247 в связи с издателем «Московского

Меркурия» П.И. Макарова, но в сссылках работа Мордовченко отсутствует, хотя он первый подробно проанализировал позицию данного журнала и его издателя.

В диссертации много и хорошо говорится о консервативной реакции на спор о формах правления в России начала XIX в. Показывается, как эти споры связаны с реформаторскими намерениями царя. Интересно проводится различие между такими понятиями как «конституция» и «фундаментальные законы». Но следовало бы внести и уточнение. Например, автор пишет: «Согласно варианту глоссария форм правлений Монтескье, главнейшим отличием деспотии от монархии являлось наличие в основе последней «фундаментального закона» (167). В этом формально правильном положении утрачено специфическое для Монтескье противопоставление деспотии как формы правления, основанной на *страхе*, монархии как форме правления, основанной на *чести*.

Наверное, стоило бы более четко пояснить, в чем заключается различие между «конституцией» и «фундаментальными законами». Здесь было бы уместно вспомнить Ж. де Местра, который противопоставлял два вида конституций: конституции, написанные людьми, несовершенные по своей природе и являющиеся ложными законами, искусственно налагаемыми на естественное течение жизни, и конституции, как творение Божье, изначально предопределяющие жизненный уклад нации или народа. Думается, «фундаментальные законы», в представлении консерваторов, и есть конституция во втором значении.

Именно с этих позиций критиковал Карамзин реформы Александра I. В.С. Ившин подробно останавливается на тексте Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Но, к сожалению, некритично принимает на веру, мнение, что «записка Карамзина изначально не предназначалась лично императору и оказалась, без ведома ее автора, в руках монарха именно из-за действий Екатерины Павловны» (с.179). Трудно представить себе Карамзина, не предполагавшего, что его записка будет известна Александру I. Я бы здесь согласился с мнением Ю.М. Лотмана о том, что Карамзин именно на это и рассчитывал, выполняя просьбу Екатерины Павловны. Другой вопрос, читал ли царь эту записку? На этот счет у нас нет ни одного достоверного свидетельства. Зато известно, что царь примерно в это же время читал «Четыре неизданные главы о России» Ж. де Местра, в которых был представлен дифференцированный взгляд на просвещение и масонство и отчетливо проводилась мысль о вреде реформ в России.

Конечно, говоря о консерватизме начала XIX в., невозможно пройти мимо обросшего литературой спора о языке. В.С. Ившин хорошо знаком с непростой историей этого вопроса и вносит ряд добавлений, связанных прежде всего с идеологическими аспектами этого спора. Между тем остается некоторая неясность, требующая дальнейших уточнений. Так, например, на с. 232-233 говорится: «Выводя на авансцену своей аргументации критерий “вкуса“, Карамзин игнорировал в сфере языка фигуру монарха (в отличие от М.Н. Муравьева — В.П.) – внешний императив, покровительствующий “природному

языку“. У Карамзина конечной инстанцией оказывается “вкус“ публики». Карамзин не то, чтобы игнорировал. Для него здесь важен был не политический, а гендерный аспект. Апеллируя к вкусу как критерию языка, он имел в виду не просто вкус публики, а именно женский вкус, что, конечно, не случайно и должно быть учтено при сравнении его языковой программы с программой Шишкова.

Далее диссертант продолжает: «Итак, оба автора разделяли общий патриотический пафос, связанный с важностью повышения престижа национального языка среди соотечественников. Их ключевые расхождения обнаруживаются лишь в методах достижения этой цели» (с. 236). В принципе это правильно, но, к сожалению, о различиях в методах и о том, как эти методы соотносятся с идеей консерватизма сказано очень мало, во всяком случае недостаточно. Если оставить в стороне полемические маски, которые участники полемики надевали друг на друга: Карамзин — галломан, а Шишков — ретроград, «славенофил», то картина окажется следующей. Шишков считает, что современный ему русский язык должен развиваться по моделям церковнославянского языка, полагая, что этот язык — корень русского языка. На эту лингвистическую ошибку ему было указано А.Х. Востоковым, но Шишков проигнорировал это указание профессионального лингвиста, потому что, как правильно отмечает В.С. Ившин, с языком для него связывалась проблема воспитания и общественного развития. Возрождение церковнославянского языка предполагало воспитание юношества на священных текстах, а повседневное общение на этом языке исключало распространение вредных идей. Это вполне разумное или во всяком случае логичное предположение. Воспитание на основе Библии, наверное, лучше, чем на основе французских романов. Но это полностью утопическая идея. Неслучайно Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский писали о Шишкове не как о консерваторе, а как об утописте. Здесь важно подчеркнуть, что идея Шишкова не была возвращением к истокам, а была стремлением перестроить русский язык на основе фактически чужого языка.

В этом отношении его позиция совпадала с позицией Карамзина, который считал, что русский язык должен развиваться по тем же моделям, что и французский. Но были и серьезные различия. На церковнославянском языке никто не говорил, и опыты Шишкова по замене современной ему лексики русского языка славянизмами были искусственны и вызвали насмешку. На французском языке говорило образованное общество и те великосветские дамы, на вкус которых ориентировался Карамзин, исходя из мысли, что женщины менее рациональны чем мужчины, но зато они обладают безупречным вкусом. Можно добавить, что женщины более консервативны. Карамзин считал, что если русский язык приблизить к французскому путем упрощения синтаксиса и калькирования лексики, то дамам легче буде перейти с разговорного французского языка на разговорный русский, а там они уже сами путем употребления произведут языковую селекцию. С этой точки зрения языковая позиция Карамзина выглядит более консервативной, чем радикальное изменение русского языка, предложенное Шишковым.

Высказанные замечания в основном носят дискуссионный характер и не ставят под сомнение высокого уровня проведенного исследования. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история. Владислав Сергеевич Ившин достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук (п. 9 Положения о присуждении ученых степеней УрФУ от 13.05.2024 г.)

Официальный оппонент:

Вадим Суренович Парсамов,

доктор исторических наук, профессор,
профессор Факультета гуманитарных наук
Школы исторических наук
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждения
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»

109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
тел.: + 7 495 771-32-32,
факс: + 7 495 628-79-31

22.11.2024 г.

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ П. П.
ОТДЕЛА ПО К
УПРАВЛЕНИЮ
АГЕНТСТВО

